

Московский педагогический государственный университет

# **Проблемы филологии народов Поволжья**

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции  
(1–2 апреля 2010 г.)

**Выпуск 4**

Москва–Ярославль  
Ремдер  
2010

ББК 81.2 рус -3+83.3 (2 Рос)  
УДК 808.2 + 820/89.09

**Редакционная коллегия:**

К.ф.н., профессор А.А. Баранникова;  
Д.ф.н., профессор И.Г. Добродомов;  
К.ф.н., доцент Л.Г. Латфуллина;  
Д. ф.н., профессор А.Т. Сибгатуллина (ответственный редактор).

**Проблемы филологии народов Поволжья:** материалы Всероссийской научно-практической конференции (1–2 апреля 2010 г.). /отв. редактор А.Т. Сибгатуллина. – Вып. 4. – М.–Ярославль: Ремдер, 2010. – 300 с.

ISBN 978-5-94755-241-6

Печатается по решению Ученого совета филологического факультета  
Московского педагогического государственного университета

© Авторы материалов, 2010.

© Отв. редактор А.Т. Сибгатуллина, 2010.

© Филологический факультет МПГУ, 2010.

века: Материалы междунаро-д. науч. конф., 1–2 ноября 2005 / УдмГУ. – Ижевск, 2006. – С. 50–56.

7. Сравнительное и сопоставительное литературоведение: хрестоматия / Сост. В.Р. Аминева и др. – Казань, 2001. С. 5.

*Кондратьева Н. В. (Ижевск)*

## **Инессив в системе пространственных падежей современного удмуртского языка**

1. Система склонения современного удмуртского языка представлена 15 членами падежной парадигмы, среди которых разграничиваются субъектно-объектные и пространственные падежи. В рамках литературного языка к последним относятся инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив и аппроксиматив.

Среди пространственных падежей удмуртского языка максимальной дистрибутивной нагрузкой (45,2 % словоупотреблений от общего количества локативных форм) обладает падеж инессив, указывающий в самом общем значении на место пребывания, совершения действия или на место, где выявляются состояние или признаки субъекта действия. Несколько ниже частотность употребления падежей элатив (30,2 %) и иллатив (16,8 %). Функциональная нагрузка остальных четырех падежных форм в общей совокупности составляет не более 7,8 % от общей представленности пространственных падежей в системе современного удмуртского языка, поскольку семантическая структура последних направлена на выражение более частных топологических значений.

2. Несмотря на высокую дистрибутивную нагрузку, падеж инессив в удмуртском языке обладает относительно однородной морфолого-семантической структурой. Так морфологическими маркерами исследуемого падежа являются показатели:

а) *-ын*, присоединяющийся к основе большинства имен существительных в парадигме простого склонения: *Ми соин али городын улйськом* (Загребин 1997: 330). ‘Мы с ним сейчас проживаем в городе’; *Шудыр нюлэскын сйзьыл* (Загребин 1997: 330). ‘Красиво бывает осенью в лесу’.

б) *-н*, присоединяющийся к основе отдельных имен существительных, содержащих в ауслауте гласную *-а* (типа *корка* ‘дом’, *куала* ‘свят-илище, куала’, *кунокуа* ‘гостиница’ и до.): *Вёзысь коркан будйз Гарась, вань улон-вылонэз Лекан дорын вал* (Самсонов 1996: 8). ‘В соседнем доме рос Гарась, вся его жизнь прошла у Лекана’.

в) *-а/-я-*, употребляющийся при склонении имен существительных притяжательного склонения, а также в случае склонения именных и местоименных форм с указательно-выделительными суффиксами: *Кияды – адыми сюлэмъёс, адыми лулъёс, нош тй соосын пичи мурт чача-*

осын шудам выллем вырыськоды (Грязев 1996: 218). 'В ваших руках человеческие сердца, человеческие жизни, а вы с ними обращаетесь как дети с игрушками'. *Бакчаязы нокытчы тэронтэм кияр-помидорзы будэ* (Нянькина 1996: 7). 'В их огороде растут помидоры и огурцы';

г) *-лан*, функционирующий в структуре отдельных топонимов. Как отмечает И. В. Тараканов, «в своем реликтовом виде аффикс *-ла* присоединяется лишь к именам существительным, являющимся названиями удмуртских воршудов, оканчивающихся на *-а(-я)*: *Пурга, Бизра, Монья, Можга, Тукля, Дурга, Юмья, Уча, Бодья, Бёня, Докья, Игра* и др., которые исторически превратились в топонимы (...) Формы на *-ла* могут осложниться падежными аффиксами местного (инессива), исходного (элатива), отдалительного (эгрессива) падежей» [Тараканов 2007: 127]: *Туклялан но Вадогуртын валгёссыгырыны потымонэсь* (Лямин 1976: 364). 'В деревнях Тукля и Вадогурт лошадей можно вывести на посевные работы';

д) нулевой маркер, употребляющийся при склонении лексем *куала* 'святилище, куала', *корка* 'дом' в форме притяжательного склонения: *Гужем куалавзы сисько Ванёкёс* (Самсонов 1996: 67). 'В летнем куала ужинают Ваня и его семья'; *Небось, Лизокед вань дырдя коркаод уд туркетёськы вал!* (Нянькина 1996: 8). 'Когда Лиза была жива, ты не осмеливался курить в доме'. Следует однако подчеркнуть, что указанные лексемы в случае притяжательного склонения параллельно могут использовать и суффиксы *-а/-я-*: Ср. *Нош коркаям мыным ёз тырмы кышнамурт* (Нянькина 1996: 120). 'А в моем доме так не хватало женской рук (букв. женщины)';

Как правило, морфологические показатели местного падежа занимают препозицию по отношению к притяжательным суффиксам: *Мон валесам назывляськысько* (Нянькина 1996: 91). 'Я валяюсь в своей постели'. По отношению к суффиксам множественного числа инессивные маркеры занимают постпозицию: *Общежитиосын улыса гинэ котьмае сыны дышиськиз* (Нянькина 1996: 157). 'Только проживая в общежитиях, я перестала быть привередливой в еде'; *Шварценеггер боевикёсын шудэ* (Хайдаров 1999: 38). 'Шварценеггер играет в боевиках'.

3. Основной семантической нагрузкой исследуемого падежа является указание на пространство, где происходит движение. Локальное значение, передаваемое данной падежной формой, может быть как конкретным, так и абстрактным: *Сюанзы ресторанын вал* (Нянькина 1996: 77). 'Свадьбу справили в ресторане'. Ср. *Укыргес но яратонын уг удалты тыныд* (Нянькина 1996: 128). 'Особенно не везет тебе в любви'.

3.1. В отличие от прибалтийско-финских языков, где в выражении внешне-местных и внутренне-местных пространственных координат участвуют различные падежные формы, удмуртский инессив может актуализировать любые локальные характеристики:

а) указание на пространство, внутри которого находится другой предмет или внутри которого совершается действие: *Кафе-барын дискоте-*

каос ортчыло. (Матвеев 2005: 143). 'В кафе-баре проводятся дискотеки'; *Глафира Степановна кухняын йӧл шунтӧз* (Самсонов 1996: 105). 'Глафира Степановна вскипятила на кухне молоко';

б) указание на внешнее пространство или на место, характеризующееся отсутствием четких физических границ: *Урамын кузёясыке бер сӧзӧыл* (Нянькина 1996: 73). 'На улице уже поздняя осень'; *Ярдурин сӧлз со* (Лямин 1976: 8). 'Он стоит на берегу';

в) указание на нахождение на поверхности вертикального пространства: *Борддораз шпалер-мар лякылзмын ӧвӧл* (Нянькина 1996: 33). 'На стенах нет обоев';

г) указание на место со сплошной средой: *Малы улэп адыми тузон-дэриын орчмытэ улон даурзэ* (Матвеев 2005: 164). 'Почему живой человек проводит свой век в пыли и грязи';

д) местный падеж может также использоваться при именах существительных, обозначающих событийные фреймы типа *репетиция, состязание, испытание, собрание, проводы* и способен «добавлять к их семантике указание на место (условно-«геометрическое» пространство), создавая тем самым некоторое комплексное геометрико-событийное пространство. Вхождение в такое пространство предполагает, с одной стороны, то или иное участие в самом событийном фрейме, а с другой стороны, нахождение в определенном месте» (Селиверстова 2000: 201), например: *Экзаменын нырысь ик сочинение гожтӧз* (Лямин 1976: 227). 'На первом экзамене они писали сочинение'; *Ми улӧм эмиграциын* (Лямин 1976: 247). 'Мы вместе были в эмиграции'; *Спектакльын Одотъю нырулыса пукиз* (Нянькина 1996: 29). 'Во время спектакля Авдотью клонило ко сну'.

3.2. Кроме вышеперечисленных значений удмуртский инессив участвует в выражении темпоральных отношений: *1956 арын бер сӧзӧыл бертӧз Васyleй но* (Самсонов 1996: 218). 'В 1956 году поздней осенью возвратился и Василий'; *Институтэ мон куать часын ик вуи* (Пукроков 1997: 120). 'В институт я пришел в шесть часов'.

3.3. Имена существительные, выраженные местным падежом, могут также указывать на профессию, род занятий: *Вань улонзэ токарьын ветлэм воргорон ужтэк кылем* (Перевошиков 2004: 246). 'Мужчина, проработавший всю свою жизнь токарем, остался без работы'. *Ляльчиын ужаса ветлон капчи ӧвӧл* (Лямин 1976: 12). 'Быть батраком нелегко'; – *Грузчикын ужай, – мур лулскиз Поздеев* (Лямин 1976: 249). '– Грузчиком работал, – глубоко вздохнул Поздеев'. Однако, как показывают примеры из современной художественной литературы, данная семантическая нагрузка имеет тенденцию к замещению послеложными формами: *Конюхӧ луыса дасо арӧс пала ужа вал ини соку Лизка* (Самсонов 1996: 138). 'К тому времени Лиза уже работала конюхом более десяти лет'. *Пенсие потытозяз, школаын завхоз-конюхӧ луыса ужас Васyleй* (Самсонов 1996: 219). 'До тех пор, пока Васyleй не вышел на пенсию, он проработал в школе конюхом-завхозом'.

Таким образом, в системе пространственных падежей современного удмуртского языка падеж инессив, с одной стороны, отличается высокой дистрибутивной нагрузкой, с другой – семантической однородностью выражаемых значений.

#### **ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:**

Грязев Г. Г. Кирень куректон: Очеркъяс, повестьяс. – Ижевск, 1996. – 280 б.

Загребин Е. Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьяс / Послесловиез А. Г. Шкляевлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 416 б.

Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 464 б.

Матвеев С. В. Чорыглэс лушкам кылбуранъяс: Роман-уйбыртон. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 224 б.

Нянькина Л. С. Ваёбыж кар: Веросьяс, повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 176 с.

Перевоицков Г. К. Сюлэмтэм дунне: Романъяс, повестьяс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 776 б.

Пукроков Ф. П. Кизили ныл: Роман, повестьяс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 312 б.

Самсонов Н. Агбай: Веросьяс, повестьяс, роман. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 416 с.

Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога на // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. – С. 189–242.

Тараканов И. В. Функции и значения л-овых падежей в удмуртском языке // Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие: Сборник статей. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – С. 122–129.

Хайдар Р. О. Ачим: Веросьяс, юморескаос, скетчъяс. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 200 б.

*Кудрявцева Р.А. (Йошкар-Ола)*

## **«Портрет» Ю. Артамонова и «Пусть твоим будет...» С. Шамси (к вопросу о поэтике лирико-романтического рассказа в литературе народов Поволжья второй половины XX века)**

В большинстве марийских (как, собственно, и чувашских, мордовских, татарских) лирико-романтических рассказов поэтизируются возвышенные человеческие чувства, главным образом, любовь, дружба, сострадание. Лирическая тема раскрывается в них с преобладанием позитивно-светлой эмоциональной модальности.